

DOI: 10.31857/S0130386425030043

© 2025 г. Г.В. АЛЕКСАНДРОВ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ
И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОРАСОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В НОВОЙ АНГЛИИ
XVII века**

Александров Глеб Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Российской государственной гуманитарной университета (Москва, Россия).

E-mail: glaleksandrov@gmail.com

Researcher ID: AGN-7482-2022

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 23-18-01091 «Историко-культурный контекст формирования наций в условиях этнорасовой стратификации».

Аннотация. Политическая активность коренного населения в раннеколониальной Новой Англии часто недооценивается. Индейцы предстают как в популярной культуре, так зачастую и в исследовательской литературе как пассивные жертвы обстоятельств, не способные влиять на процессы, стремительно менявшие мир вокруг них. Это представление, напрямую вытекавшее из идеи «благородного дикаря», популярной в XIX в., не соответствует действительности. В статье рассматриваются политические стратегии, использовавшиеся предводителями коренных американцев на протяжении XVII в. Речь идет как о деятельности отдельных сахемов, искавших различные способы наладить продуктивное взаимодействие с колониями, так и о коллективных стратегиях, наиболее важной из которых стало для многих коренных жителей Атлантического побережья Америки принятие христианства. Особенно значимые примеры успешной адаптации индейцев к изменившимся обстоятельствам — первым заключивший союз с англичанами Усамекин, предводитель мохеган Ункас и пекот Робин Кассакинамон, один из главных посредников во взаимодействиях колонистов и индейцев во второй половине XVII в. Их подходы к выстраиванию взаимоотношений с колониями различались в силу разных обстоятельств, в которых они оказывались, но все же обладали рядом общих черт. Редко связанные с прямым сопротивлением колониальной экспансии, эти стратегии иллюстрируют гибкость и способность к адаптации, характерные для политической культуры коренных американцев, а также значимость их для колониальной истории: от непосредственного влияния на события XVII в. до более долгосрочных последствий, связанных с формированием этнорасовой стратификации колониального и позже американского общества.

Ключевые слова: коренные американцы, Новая Англия, колониальная экспансия, политические стратегии коренных народов, колониальное управление, этнорасовая стратификация, дипломатия коренных народов, христианизация.

G.V. Aleksandrov

Native American Political Strategies and the Development of Ethno-Racial Stratification in Seventeenth-Century New England

Gleb Aleksandrov, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: glaleksandrov@gmail.com

Researcher ID: AGN-7482-2022

The study was conducted with the financial support of RNF, grant № 23-18-01091 “Historico-cultural context of nation formation in the conditions of ethnoracial stratification”.

Abstract. The political agency of Native American populations in early colonial New England is frequently underestimated. Both popular culture and, at times, scholarly discourse depict Native Americans as passive victims of colonial expansion, lacking the capacity to shape the transformative processes that redefined their world. This perspective, rooted in the nineteenth-century “noble savage” trope, fails to capture the complexity of Native political engagement. This article explores the diverse strategies employed by Native American leaders throughout the seventeenth century as they sought to navigate and influence colonial structures. While individual leaders pursued diplomatic relationships with colonial authorities, collective strategies – most notably conversion to Christianity – were employed to secure a place within the emerging colonial order. Key examples of successful political adaptation include Ousamequin, the first sachem to forge an alliance with the colonies; Uncas, the Mohegan leader; and Robin Cassacinamon, the Pequot intermediary who played a crucial role in Native-colonial relations. Although their approaches varied, they shared common elements that underscore the adaptability of Native American political cultures. Rather than relying solely on resistance, these strategies shaped colonial history, influencing immediate political developments and contributing to the formation of ethno-racial stratification in both colonial and later American society.

Keywords: Native Americans, New England, colonial expansion, Native American political strategies, colonial governance, ethno-racial stratification, indigenous diplomacy, Christianisation.

В 1620 г. началась английская колонизация Новой Англии. Мир, в котором жили многие группы коренного населения региона, неожиданно и необратимо изменился. По крайней мере, таковы устоявшиеся представления об индейцах как неразумных «дикарях», не способных ни понять происходящие драматические события, ни тем более повлиять на них. В сущности, это новая, слегка осовремененная версия идеи «благородного дикаря» популярной в XIX в.

Основание постоянных английских поселений стало неожиданностью для индейцев и, безусловно, повлияло на их жизнь, в том числе политическую. Но пассивными наблюдателями или жертвами они не были. Индейские сахемы¹ прекрасно понимали, что привычный мир меняется, и пытались зачастую весьма успешно контролировать и направлять эти изменения. Их деятельность оказала значительное влияние на ход ранней истории Новой Англии, но имела и долгосрочные последствия, став одним из источников формирования расовой иерархии, характеризовавшей и отчасти характеризующей до сих пор колониальное и позже американское общество.

¹ В литературе лидеров отдельных индейских политий часто обозначают как «вождей», что не вполне корректно – понятие «вождь» в современной политической антропологии связано с понятием «вождества» как специфической формы политической организации общества, которая в Северной Америке, безусловно, встречалась, но не была универсальной. Поэтому представляется более корректным и точным использование алгонкинского термина «сахем».

В данной статье рассматриваются политические стратегии², которые отдельные сахемы и целые группы использовали для сохранения независимости и традиционного образа жизни. Успешные стратегии основывались, как правило, не на прямом сопротивлении колониальной экспансии, а на установлении продуктивных взаимоотношений с колониями. В Новой Англии XVII в. не так много примеров именно сопротивления (тем более вооруженного) европейцам. Главным исключением стала Война короля Филиппа в середине 1670-х годов, в которой альянс под руководством вампаноаг пытался силой остановить расширение колоний. Но в целом прямые конфликты для этого периода не характерны. Сотрудничество с колониями в той или иной форме быстро стало «мейнстримом» индейской политики. В этом отношении некоторые индейские предводители добились особенного успеха. Мы попытаемся определить, что обеспечило им такой успех, какие общие политические стратегии и подходы они использовали, а также как эти стратегии повлияли на формирование системы отношений между различными группами населения колоний.

Любое исследование индейской политики неизбежно сталкивается с проблемой недостатка источников. Сами индейцы письменных источников не оставили, а источники колониальные неизбежно предвзяты, зачастую до чрезвычайности. Даже те авторы, которые пытались писать об индейцах более-менее объективно, обычно плохо понимали специфику индейского быта, общественной жизни и культурных норм. Тем не менее отдельные аспекты политической жизни индейцев Новой Англии, такие как структура союзов и вообще межгрупповая дипломатия, могут быть реконструированы с достаточно высокой степенью уверенности. Обращение к другим неизбежно подразумевает некоторое домысливание. Как отмечал Майкл Оберг, такого рода исследование неизбежно требует совершить несколько «прыжков веры»³, и лучшее, на что мы можем рассчитывать, – постараться сократить их количество, насколько это возможно.

Нам доступны хроники, составленные колониальными авторами, такими как Уильям Брэдфорд и Джон Уинтроп, и ряд сочинений, посвященных специфическим отношениям с индейцами, принадлежащие перу Джона Мэйсона, Леона Гарднера, Дэниела Гукина и др. Хотя практически все авторы колониального периода плохо понимали мотивацию тех или иных действий индейцев, фактически описания их достаточно точны.

В историографии есть немало превосходных исследований индейской политики в ранней Новой Англии. Труды Джеймса Экстела, Фрэнсиса Дженнинга и Колина Кэллоуэя⁴ можно считать настоящей современной классикой. Отдельного упоминания заслуживает книга Джеймса Дрейка «Война короля Филиппа: гражданская война в новой Англии»⁵, прекрасный образец исследования, где подчеркивается влияние индейской политики

² Хотя термин «политическая стратегия» может на первый взгляд показаться анахронизмом в контексте отношений коренных жителей Америки и английских колонистов в XVII в., применение его представляется, на наш взгляд, оправданным. Во-первых, именно этот термин именно в этом контексте неоднократно использовался в историографии на протяжении последних десятилетий. Во-вторых, не вполне ясно, чем этот термин можно заменить, В-третьих, в такой замене, даже если подобрать подходящий термин удастся, сложно будет не увидеть проявления вполне специфической и узнаваемо колониальной оптики, отказывающей «примитивным» индейцам в способности реализовывать целенаправленные политические стратегии (способы осуществления политической деятельности, направленные на достижение определенных долгосрочных целей) (см., к примеру: *Johnson E.* “Some by flatteries and others by threatenings”: Political strategies among Native Americans of seventeenth-century southern New England. 1993 // URL: <https://www.proquest.com/openview/be12c51664bf7fa9d12c92cc089c8e56/1?pq-origsite-gscholar&cbl-18750&diss-y> (дата обращения: 04.09.2024).

³ *Oberg M.L.* Uncas, First of the Mohegans. Ithaca, 2003. P. vii.

⁴ См. например: *Jennings F.* The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest. Chapel Hill, 1975; *Idem.* The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies. New York, 1984; *Axtell J.* The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. Oxford, 1986; *Calloway C.G.* New Worlds for All: Indians, Europeans, and the Re-making of Early America. Baltimore, 2013; *Idem.* Pen and Ink Witchcraft: Treaties and Treaty Making in American Indian History. Oxford, 2013.

⁵ *Drake J.D.* King Philip's War: Civil War in New England. Amherst, 1999.

на колониальное общество. В последние два десятилетия появилось несколько значительных работ, посвященных политической агентности индейцев. В данной статье чувствуется влияние работ Майкла Оберга⁶, Джули Фишера, Дэвида Силвермана⁷, Шона Вимана⁸.

* * *

После 1620 г. многим группам индейцев Новой Англии, в основном проживавшим рядом с побережьем, пришлось приспосабливаться к присутствию постоянно растущих английских поселений. Появление новых возможных союзников коренные жители тех краев поначалу встретили с энтузиазмом, потому что союзники им были крайне необходимы. Всего за год до основания Нового Плимута Новую Англию поразила эпидемия, погубившая в отдельных районах большинство населения⁹. Политический ландшафт Новой Англии резко и значительно изменился, таким образом, еще до прибытия колонистов, группы, еще совсем недавно наиболее многочисленные и сильные, были обескровлены. Те же, кто пострадал от эпидемии меньше, например наррагансетты, неожиданно для себя оказались в положении сильнейших и крупнейших «игроков» в регионе.

Группы говоривших на алгонкинских языках коренных жителей Новой Англии возглавляли сахемы, власть которых основывалась преимущественно на личном авторитете и уважении и практически никогда не подразумевала прямого контроля над «подданными». Сахемы постоянно искали способы укрепить свой авторитет — через военные победы, заключение выгодных политических браков или новых союзов. Изменения политической ситуации открывали иные возможности для сахемов небольших групп. Их особенно заботил поиск союзников, но среди соседей найти их было зачастую непросто, еще и потому, что заключение союза среди индейцев подразумевало обмен дарами, часто весьма дорогостоящими — вероятность заключения союза напрямую зависела от ценности даров, и предводители небольших групп просто не могли себе позволить договориться с более могущественными соседями. И амбициозные мелкие сахемы, и лидеры групп, особенно пострадавших от эпидемии, были весьма ограничены в ресурсах, что подрывало их дипломатические возможности.

Англичане поначалу были немногочисленны, но имели доступ к ценным товарам, таким как огнестрельное оружие и ткани. Соответственно, они воспринимались в первую очередь как потенциально полезные союзники. Сами колонисты были столь же озабочены поиском союзников. Страх перед индейцами являлся важной частью колониального мировоззрения¹⁰, а торговля с индейцами приносила ощутимую прибыль. Таким образом, обе стороны были заинтересованы в налаживании сотрудничества.

Согласно колониальным источникам, вскоре после основания Плимута руководство новой колонии отправило послов к Массасойту, предводителю соседнего племени, и заключило с ним соглашение о дружбе¹¹. Это описание подразумевает, однако, что сам Массасойт никакого отношения к происходящему не имел. При ближайшем рассмотрении это представляется маловероятным. Усаекин (которого англичане называли Массасойтом, хотя это было не имя, а титул) заинтересовался Плимутом несколько раньше. Даже если предположить, что его «подданный» Тискуантум (сегодня известен в основном под именем, которым его называли англичане, — Скуанто), один из первых индейцев, вступивших

⁶ Oberg M.L. Op. cit.

⁷ Fisher J., Silverman D. Ninigret, Sachem of the Niantics and Narragansetts: Diplomacy, War, and the Balance of Power in Seventeenth-Century New England and Indian Country. Ithaca, 2014.

⁸ Wiemann S. Lasting Marks: The Legacy of Robin Cassacinamon and the Survival of the Mashantucket Pequot Nation. Albuquerque, 2011.

⁹ Cook S.F. The Significance of Disease in the Extinction of the New England Indians // Human Biology. 1973. Vol. 3. P. 489–490; Hoornbeek B. An Investigation into the Cause or Causes of the Epidemic Which Decimated the Indian Population of New England, 1616–1619 // New Hampshire Archeologist. 1976. Vol. 19. P. 38.

¹⁰ Johnson E. Wonder-working Providence of Sion's Saviour in New England (1654). New York, 1910. P. 52, 115; Bradford W. Of Plymouth Plantation (1620–1647). New York, 1981. P. 70–71.

¹¹ Bradford W. Op. cit. P. 88.

в контакт с жителями Плимута, обратился к руководству колонии без согласия и ведома сахема, решение помочь колонистам с посевом и выращиванием маиса принял, несомненно, Усамекин. Кроме того, не стоит забывать, что за несколько дней до высадки в Плимуте будущие колонисты ненадолго высадились на берег, где нашли некоторое количество зерна, «зарытого» индейцами, которое и присвоили (судя по всему, зерно захоронили вместе с жертвами эпидемии) — Брэдфорд утверждал, что ограбление было ненамеренным, колонисты сочли зерно брошенным¹². В дальнейшем этот эпизод не упоминается и никаких последствий не имел. Отсюда, вероятнее всего, следует, что Усамекин так или иначе использовал свой авторитет, чтобы замять неприятный инцидент, который при других обстоятельствах повлек бы за собой требования компенсации или даже мести. Усамекин стремился к заключению союза с англичанами еще до того, как непосредственно с ними встретился. Вампаноаг, предводителем которых он являлся, сильно пострадал от эпидемии, в отличие от несколько менее затронутых ею ближайших соседей, активно расширяющих свои сферы влияния за счет ослабленных вампаноаг.

Усамекин остался союзником англичан на всю жизнь. Англичане считали, что основная причина тому — их помощь с лечением тяжело заболевшего сахема, что, скорее всего, действительно сыграло определенную роль в поддержании добрососедских отношений¹³. Кроме того, с точки зрения экономики вампаноаг получили значительную выгоду от доступа к редким товарам, а сам Усамекин обезопасил подвластную ему территорию от посягательств соседей, которых останавливала угроза конфликта с англичанами. Тот факт, что его новообретенный авторитет опирался на союзников, вряд ли создавал проблемы, дипломатия и союзы всегда были важнейшим источником власти любого сахема. Со временем условия соглашения между англичанами и вампаноаг менялись, англичане все более активно пытались контролировать внутреннюю жизнь вампаноаг, что привело в итоге к краху альянса и к Войне короля Филиппа, в которой вампаноаг возглавил сын Усамекина Метаком.

Мы видим, таким образом, пример того, как индейский предводитель стремительно, в течение буквально нескольких дней начинает активно использовать возможности, появившиеся в результате прибытия англичан, и добивается выгоды для себя и своих подданных. Усамекин стал первым индейским предводителем, использовавшим такую стратегию, пожертвовав отчасти внешнеполитической независимостью, в обмен на что он приобрел авторитет, экономическую выгоду и потенциально военное преимущество. Но он использовал традиционные политические инструменты, традиционные индейские методы ведения политики, и со временем положение вампаноаг все равно начало ухудшаться. Более успешным примером использования потенциала альянса с англичанами можно считать Ункаса.

Ункас — фигура достаточно противоречивая. Довольно долго он был в историографии архетипическим «хорошим» индейцем, дружелюбным «дикарем», который признал превосходство англичан и поддерживал их¹⁴. Позже его образ подвергся переоценке, и Ункас рассматривался теперь как, по сути, предатель, беспринципный оппортунист, который ради личной выгоды предал своих соплеменников и способствовал их уничтожению¹⁵. Этот образ появлялся не только в популярных пересказах колониальной истории, но и в исследовательских работах, в том числе относительно недавних¹⁶. Но, как отмечал Майкл Оберг, адепты обоих подходов фактически рассказывают одну и ту же историю, традиционную историю колониального господства. При этом не важно, позитивно или негативно

¹² Ibid. P. 74–77.

¹³ Winslow E. Good Newes from New-England. London, 1624. P. 25–26.

¹⁴ См., например: Stone W.L. Uncas and Miantonomoh: A Historical Discourse. New York, 1842.

¹⁵ Sylvester H. Indian Wars of New England. Vol. 1. Boston, 1910. P. 246–247; Weeks A.G. Massasoit of the Wampanoags: With a Brief Commentary on Indian Character, and Sketches of Other Great Chiefs, Tribes, and Nations. Norwood (Mass.), 1919. P. 229, 233.

¹⁶ Jennings F. The Invasion of America... P. 179, 227; Knapp A.P. Connecticut's Yesteryear: So Saith the Wind. Old Saybrook (CT), 1985.

изображается Ункас, он в любом случае остается исключительно пассивной фигурой, реагирующей на те или иные действия колонистов, но не действующей самостоятельно¹⁷.

Мокегане, группа к которой принадлежал Ункас, были тесно связаны с пекотами, контролировавшими долину реки Коннектикут с 1620-х годов. Ункас был, как отмечает Оберг, «сахемом-неудачником»¹⁸. Традиционные методы индейской политики его подвели — он не смог найти достаточного количества союзников, способных поддержать его притязания на власть среди пекотов, он не получал достаточных регулярных даров, чтобы создавать союзы, а его набег не приносили значительного успеха.

Когда ситуация в регионе несколько устоялась после появления первых английских поселений, Ункас начал добиваться союза с англичанами. Он способствовал заключению договора с наррагансеттами, в результате которого англичане оказались втянуты в конфликт между наррагансеттами и пекотами, закончившийся поражением и практически полным уничтожением пекотов¹⁹.

Согласно английским источникам, Ункас поддержал англичан во время Пекотской войны, хотя точнее было бы сказать, что это они поддержали Ункаса. Официальным поводом к началу войны стало убийство английского торговца, но фактически конфликт шел уже какое-то время, а колонисты знали о приготовлениях пекотов к войне. Колониальные авторы считали, что пекоты отличались крайней воинственностью и нападение их на колонии было неизбежно. Эта репутация сложилась благодаря главному источнику информации о пекотах, доступному колонистам, — Ункасу. На протяжении многих месяцев он обвинял пекотов, в то же время подчеркивая собственные добрые намерения и дружеское расположение к англичанам²⁰. Вместо того чтобы опереться на трибутарные отношения и военные союзы, что всегда делали индейские предводители, Ункас использовал информацию и дезинформацию, манипулируя колонистами для укрепления своего положения, чего не мог добиться традиционными средствами.

После поражения пекотов Ункас получил часть их территорий, значительное число пленников, которые были быстро интегрированы мокеганами, и расположение властей колоний²¹. Примечательно, что он продолжил поддерживать англичан даже после так называемой «резни в Мистик», жестокого массового убийства пекотских нонкомбатантов. После этого события большинство союзников покинули англичан — собственно, все, кроме Ункаса²².

Пекотская война стала триумфом Ункаса — его главный соперник был устранен, его собственное положение крепко, как никогда, потенциальные соперники наррагансетты ослаблены войной. Благодаря пленникам-пекотам, пополнившим ряды мокеган, он возглавлял достаточно многочисленную группу и уже ни в коей мере не мог считаться «неудачником».

Следующий ключевой эпизод в его карьере имел место вскоре после войны, и в нем участвовал еще один соперник Ункаса, сахем наррагансеттов Миантономи, которого Ункас обвинил в организации заговора против англичан. Миантономи был предан суду и сдался Ункасу, который немедленно казнил его, лишней раз доказав колонистам свою преданность и, что самое важное, устранив главного соперника²³. Колонии вновь опирались на сведения, предоставленные Ункасом. Хотя Миантономи приводил доказательства ложности всей истории с заговором, Ункас воспринимался как ценный союзник и источник информации. Миантономи был настроен гораздо менее дружелюбно и не так активно

¹⁷ Oberg M.L. Op. cit. P. 12.

¹⁸ Ibid. P. 50.

¹⁹ Cave A. The Pequot War. Cambridge, 1996. P. 122–168.

²⁰ Winthrop J. The Winthrop Papers. Vol. 5. New York, 1968. P. 270.

²¹ Oberg M.L. Op. cit. P. 72; Cave A. Op. cit. P. 161.

²² Mason J. A Brief History of the Pequot War. Boston, 1736. P. 31.

²³ De Forest J. History of the Indians of Connecticut from the Earliest Known Period to 1850. Hartford, 1851. P. 198; Sylvester H. Op. cit. P. 412–413.

искал союза с колониями. Несмотря на результаты Пекотской войны, наррагансетты все еще оставались сильны, авторитет Миантономи не зависел от союза с колониями.

Ункас стал, что особенно важно, первым сахемом, официально признавшим себя подданным англичан. Примерно то же самое сделали наррагансетты, но они провозгласили себя подданными английского короля, а не губернаторов, по сути, поставив верховного сахема на один уровень с руководителями колоний²⁴. Ункас же прямо признал верховенство Конфедерации Новой Англии и отказался от права вести самостоятельную внешнюю политику²⁵.

Признание Ункасом подданства можно рассматривать как сделку — со своей стороны он отказался от права объявлять войны. В обмен на этот частичный отказ от суверенитета, помимо богатых даров, которые он регулярно получал от губернаторов, территории мохеган были защищены от английской экспансии. Даже если какие-то земли и отчуждались, речь шла о недавно полученных территориях, принадлежавших когда-то пекотам, и даже на них мохегане сохраняли право охотиться²⁶.

Несмотря на статус подданного, Ункас спокойно продолжал вести свою политику, не всегда соответствующую интересам английских властей. Даже во время Пекотской войны были случаи, когда Ункас действовал наперекор английским командирам, например казнив пленников, которых англичане требовали оставить в живых²⁷. Позже Ункас и его люди организуют несколько карательных экспедиций против оставшихся пекотов, формально подчиненных Ункасу, — вопреки указаниям английских властей²⁸. Со временем он столь же свободно вел внешнюю политику, заключив союз с предводителем своих недавних соперников наррагансеттов Нинигретом²⁹. Все это вызывало недовольство колониальных властей, и многих весьма беспокоила растущая независимость Ункаса³⁰. Но поддержка мохеган была слишком важна, так что в действительности Ункаса практически не вмешивались.

Сохранив свои земли, мохегане смогли сохранить и традиционный образ жизни, разложение которого в первую очередь было связано с разрушением основ традиционной системы хозяйства. Ункаса и его людей даже не слишком настоятельно призывали обратиться в христианство, так что вернейший союзник англичан умер язычником, как и большинство его подданных. Изначально поддержавший идею миссионерства, по крайней мере формально, Ункас со временем выступил против нее, что никоим образом не сказалось на его союзе с колониями³¹. В обмен на право объявлять войны, Ункас обеспечил себе политическую, экономическую и духовную независимость.

В контексте своего времени и в отношении колоний в том виде, в котором они тогда существовали, стратегия Ункаса оказалась исключительно успешной, обеспечив ему и его сторонникам уровень независимости, практически не имевший аналогов в районах, колонизированных европейцами.

У Пекотской войны было еще одно следствие, которое Ункас вряд ли мог предусмотреть, — она так или иначе подтвердила характерные для колонистов страхи в отношении индейцев. Конфликт, которого боялись с момента основания первых поселений, масштабная атака «кроважанных дикарей», наконец произошел. Именно после Пекотской войны создается Конфедерация Новой Англии, оборонительное (и позже политическое) объединение колоний.

²⁴ *Pulsipher J.* “Subjects... Unto the Same King”: New England Indians and the Use of Royal Political Power // *Massachusetts Historical Review*. 2003. Vol. 5. P. 29–57.

²⁵ *Oberg M.L.* Op. cit. P. 79; *Winthrop J.* *Winthrop’s Journal*. New York, 1908. P. 258.

²⁶ *Oberg M.L.* Op. cit. P. 153, 155, 157–158.

²⁷ *Gardener L.* *Left Lion Gardener his Relation of the Pequot Warres* // *MHS Collection*, 3rd series. Vol. 3. Boston, 1833. P. 149.

²⁸ *Oberg M.L.* Op. cit. P. 118–119.

²⁹ *Records of the United Colonies of New England*. Boston, 1853. P. 158, 172.

³⁰ *Oberg M.L.* Op. cit. P. 144.

³¹ *Axtell J.* Op. cit. 147; *Gookin D.* *Historical Collections of the Indians in New England*. New York, 1970. P. 82–83.

Кроме того, именно после Пекотской войны резко возросло число индейцев, проживавших непосредственно в колониях: многие пленные, в первую очередь женщины и дети, остались в качестве слуг в Новой Англии. Присутствие индейцев непосредственно в колониальном обществе требовало артикуляции отношения к ним — уже не к «диким» индейцам за пределами колоний, контакты с которыми оставались, безусловно, частыми, но которые все же не включались в общество колонистов как таковое. Необходимо было определить их место в складывающейся социальной иерархии и поддержать его идеологически. Характерно, что представления о фундаментальной природной неспособности индейцев к самостоятельной цивилизованной жизни, о том, что их необходимо наставлять и воспитывать, а жить без надзора они смогут, возможно, лишь в отдаленном будущем или полностью ассимилировавшись и отказавшись от своей «индейскости», начинают все шире распространяться именно в этот период. Аргументы же в пользу «неполноценности» индейцев в будущем легко проецировались на другие маргинализованные группы, в первую очередь африканцев, ввозившихся в английские колонии в качестве рабов.

* * *

Основные достижения Ункаса лежали в сфере видимого, явного политического действия — договоры, союзы, совместные боевые действия и т.д. Другой подход к достижению той же цели опирался в первую очередь на личные связи.

Робин Кассакинамон по происхождению был пекотом, представителем народа, побежденного коалицией англичан, мохеган и наррагансеттов. По условиям Хартфордского договора, заключенного в 1638 г., пекоты более не существовали, запрещалось даже использование самоназвания «пекот». В реальности пекоты, конечно, выжили. Некоторые попали в плен к англичанам и либо были проданы в рабство, либо использовались в качестве подневольных работников в самой Новой Англии. Многие были распределены в качестве пленных среди союзников англичан. Они либо включались в состав победителей, восполняя военные потери, либо продолжали жить обособленно, признавая трибутарный статус и обязательства. Эта инкорпорация произошла достаточно быстро, уже в конце 1638 г. делегация мохеган, прибывшая в Бостон, включала несколько пекотов, в том числе молодого человека, которого англичане называли Робин. Целью делегации являлся поиск невесты для Ункаса, которой должна была стать молодая пекотка, после войны оказавшаяся служанкой в доме губернатора Джона Уинтропа. Робин остановился там же, вероятно, в это время и познакомившись с сыном губернатора Джоном Уинтропом-младшим³².

Уинтроп-старший являлся одним из наиболее видных политических деятелей Новой Англии. Его сын вскоре стал губернатором недолговечной колонии Сэйбрук, а позже новообразованной колонии Коннектикут. Если его отец был известен в первую очередь как правовец, администратор и отчасти теолог, сын прославился как дипломат и ученый — несколько менее набожный, чем отец, но столь же (если не более) успешный как губернатор и политик³³.

Вскоре Уинтроп-младший оказался во главе нового поселения в долине реки Коннектикут, известного сначала как Намаг, а позже как Нью-Лондон. Основано оно было по соседству с небольшой деревней пекотов, подчиненных Ункасу, куда под руководство Робина Кассакинамона стекались пекоты со всех территорий мохеган. Присутствие пекотов стало важным аргументом при выборе места для английского поселения — Уинтроп считал, что такие соседи могут стать источником рабочей силы и защиты³⁴. Для пекотов основание Намага было победой — впервые с окончания войны они жили сами по себе, как пекоты, в собственном сообществе в центре когда-то принадлежавшей им территории, и возглавлял их пекот.

³² *Williams R.* A Key into the Language of America (1643). Detroit, 1973. P. 206; *Idem.* The Correspondence of Roger Williams, 1629–1653. Vol. I. Hanover; London, 1988. P. 168.

³³ Подробнее см.: *Woodward W.* Prospero's America: John Winthrop, Jr., Alchemy, and the Creation of New England Culture, 1606–1676. Chapel Hill, 2010.

³⁴ *Winthrop J.* Winthrop's Journal. P. 520.

Альянс между Кассакинамоном и Уинтропом отличался от большинства других союзов между колонистами и индейцами. Кассакинамон и Уинтроп находились в крайне уязвимом положении. Один являлся неформальным лидером (официально он стал сахемом значительно позже) группы переживших войну бесправных пекотов, не имел своей территории, не имел союзников и имел очень ограниченные средства. Уинтроп, несмотря на происхождение, являлся главой крошечного поселения, расположенного на спорной территории, и имел множество врагов и конкурентов. Оба, кроме того, были еще очень молоды.

У обоих, таким образом, отсутствовали традиционные источники политической власти. Оба увидели возможность упрочить свое положение воспользовавшись не вполне традиционными методами. Оба стали посредниками в межкультурных взаимодействиях. Кассакинамона изначально вообще не считали политическим лидером, с точки зрения колонистов он был просто переводчиком, часто его называли слугой Уинтропа. Он использовал доступ к информации как среди англичан, так и индейцев, чтобы манипулировать и теми и другими, например, сообщая англичанам о все более независимой и агрессивной политике Ункаса³⁵. Уинтроп, в свою очередь, довольно скоро стал считаться большим авторитетом во всех вопросах, касающихся пекотов и вообще индейцев, и с ним консультировались намного превосходившие его возрастом, опытом и положением руководители колоний³⁶. Уинтроп и Кассакинамон активно участвовали во взаимодействии между колонистами и индейцами как переводчики и посредники, и со временем их дипломатические навыки принесли им известность и авторитет, намного превышавшие их экономические или военно-политические возможности. К середине 1640-х годов они подали петицию на имя совета Объединенных колоний Новой Англии об освобождении Намеага от власти Ункаса. Петиция не получила поддержки, но к этому моменту, менее чем через десять лет после окончания войны, «молодой Робин, слуга г-на Уинтропа», был признанным руководителем своей общины и воспринимался как представитель отдельной самостоятельной группы индейцев, к его словам прислушивались наравне со словами Ункаса, предводителя группы, превосходящей подданных Кассакинамона численностью на несколько порядков³⁷.

Значимость фигуры Кассакинамона признавали и его союзники, и противники. Они прекрасно понимали, что неформальный альянс с Уинтропом усиливал их позиции. Нинигрет, сахем нарагансеттов, старался убедить Уинтропа, что тот слишком много уважения оказывает пекотам, обращается с ними как с равными вместо того, чтобы относиться к ним как к «маленьким собакам», чего заслуживает такое мелкое и слабое объединение³⁸. Противники из числа англичан действовали похожим образом – Джон Мэйсон, главный союзник Ункаса, отказывался называть Кассакинамона иначе, чем «слугой» или «молодым слугой», даже после того, как тот был официально признан сахемом как индейцами, так и властями колоний³⁹.

Со временем оба достигли своих политических целей. Уинтроп стал губернатором Коннектикута и членом совета Конфедерации. Кассакинамон добился того, что на исходе Пекотской войны казалось невозможным – признания пекотов как самостоятельного племени, свободного от любой внешней власти, кроме совета Конфедерации⁴⁰.

Его собственный высокий статус англичане также признали, причем он был, судя по всему, выше, чем у других союзных индейцев. Во-первых, в отличие от других сахемов, которых называли всегда и только сахемами, Кассакинамон периодически фигурирует в источниках как «губернатор пекотов», единственный индеец этого времени, к кому применялся такой

³⁵ *Wiemann S.* Op. cit. P. 22.

³⁶ *Ibid.* P. 171.

³⁷ *Ibid.* P. 149–150; *Winthrop J.* The Winthrop Papers. P. 131.

³⁸ *Williams R.* The Correspondence of Roger Williams... P. 252.

³⁹ *Winthrop J.* The Winthrop Papers. P. 253.

⁴⁰ *Records of the United Colonies...* P. 134, 142; *McBride K.* The Legacy of Robin Cassacinamon: Mashantucket Pequot Leadership in the Historic Period. Northeastern Indian Lives, 1632–1816. Amherst, 1996. P. 82.

термин⁴¹. Он получал, как и все союзники, дары от колонистов, обычно как благодарность за посредничество в разрешении тех или иных споров (его подпись в качестве свидетеля встречается на многих договорах, подписанных в середине века и позже). Он беспрепятственно встречался и общался с губернаторами и другими высокопоставленными лицами по всей Новой Англии, иногда пересекая все колонии из конца в конец, чтобы выступить посредником в особо трудных переговорах⁴². Когда колониальная экспансия начала затрагивать пекотские земли, Кассакинамон защищал права своих соплеменников в суде и чаще добивался в этом деле успеха, чем терпел неудачу⁴³.

Соглашение между пекотами и англичанами подразумевало право колониальных властей сместить индейского «губернатора» и заменить его⁴⁴. Касскинамон, упорно отказывавшийся поступиться землями пекотов, давал, казалось бы, многочисленные поводы для такого решения. И тем не менее он оставался у власти, видимо, потому что его помощь в качестве дипломата и посредника была намного ценнее, чем любой участок земли, которые контролировали его немногочисленные подданные.

Еще одна деталь, демонстрирующая статус Кассакинамона, — полученный им в подарок от англичан конь⁴⁵. Помимо стоимости, подарок обладал и определенным символическим значением. Индейцы Новой Англии не были знакомы с лошадьми, и колонисты, понимая насколько выгодна им такая ситуация, строго запрещали продажу лошадей индейцам. Тот факт, что Кассакинамон не просто раздобыл коня, а получил его в подарок от совета Конфедерации, уникален, показывая, насколько высок был статус этого вождя в глазах колонистов. Учитывая титул «губернатора», вес, которые его слова имели в колониальных судах, дружбу с Уинтропом и знакомство с другими магистратами, Кассакинамон оказался, вероятно, ближе любого другого индейца к положению высокопоставленного колониального чиновника. Он обеспечил выживание пекотов как самостоятельной группы, сохранение ими прав на землю и самоуправление. Со временем все это будет отчасти утрачено, но основы, заложенные Кассакинамоном, оказались прочны и пекоты дожили до сегодняшнего дня.

Стратегия, которую он использовал, была совершенно новой по стандартам как английской, так и индейской политики. Традиционно альянсы основывались на взаимной выгоде и часто на военном сотрудничестве. Пекоты после войны были немногочисленны и в военном отношении серьезной силы не представляли. Экономически, хотя их рабочая сила помогла Намаегу в первые годы существования поселения, никаких значимых товаров, пригодных для торговли, они не производили. С точки зрения традиционных индейских категорий были предельно слабы — можно полностью согласиться с Нинигретом, называвшим их «маленькими собаками». Кассакинамон обеспечил их выживание благодаря почти исключительно личным связям и дипломатии.

Важным элементом стратегии Кассакинамона была сдержанность — при всей его влиятельности он никогда не претендовал на равное положение с колониальными чиновниками, тщательно избегая ошибки, которую совершили нарагансетты, попытавшиеся объявить себя подданными не губернатора, а непосредственно монарха⁴⁶. Поскольку его политическая деятельность началась уже после Пекотской войны, он прекрасно понимал, что укрепившаяся в результате конфликта иерархия колониального общества такого не позволяла.

Кассакинамона и Ункаса объединяет ряд важных черт, объясняющих, на наш взгляд, их успех в ситуации, где большинство других сахемов потерпели поражение. Первая причина очевидна — оба использовали неожиданные политические решения. Эрик Джонсон выделил

⁴¹ *Winthrop J.* The Winthrop Papers. P. 4–5.

⁴² *Wiemann S.* Op. cit. P. 240.

⁴³ *Ibid.* P. 225, 233.

⁴⁴ *Ibid.* P. 214; Records of the United Colonies... P. 225–228, 284–286, 319.

⁴⁵ *Wiemann S.* Op. cit. P. 217.

⁴⁶ *Pulsipher J.* Op. cit. P. 29–32.

несколько традиционных стратегий индейцев⁴⁷, из которых только одна (заклучение союзов) хотя бы отчасти напоминает то, чем занимались Ункас и Кассакинамон. Но даже в этом отношении они отличались от других предводителей своего времени. Ункас с готовностью и по собственной инициативе признал себя подданным англичан, чего другие индейцы старались избегать всеми силами, и за счет этого смог добиться ряда важных преимуществ, пожертвовав совсем немногим. Кассакинамон использовал еще более необычные методы, практически полностью отказавшись от традиционных механизмов индейской политики, связанных с выплатой и получением дани и обоюдной военной помощью.

Оба сахема прибегали к этим нестандартным стратегиям по необходимости. В традиционных для индейцев категориях оба были поначалу в положении, которое едва ли могло привести к успеху, — с минимальным количеством последователей, без особых основ для политической силы, без союзников. Другими словами, им приходилось адаптироваться к крайне неблагоприятным обстоятельствам. Более сильные и многочисленные группы, такие как вампаноаг и наррагансетты, были достаточно сильны, чтобы продолжить опираться на традиционные политические механизмы. Те, кто с самого начала готов был идти на сделки, жертвовать частью независимости для сохранения других ее аспектов, в долгосрочной перспективе оказались более эффективны.

Еще одна общая черта, объединявшая Ункаса и Кассакинамона, — ни они, ни их последователи не стали христианами, в отличие от многих индейцев, с энтузиазмом принявших новую религию.

* * *

В отличие от французских и испанских колоний, где католическая церковь организовывала более или менее масштабную миссионерскую деятельность, в английских колониях миссионерство было частным делом. Большинство пуританских проповедников не проявляли большого интереса к обращению индейцев. В XVII в. миссионерство в Новой Англии ограничивалось небольшим кругом последователей Джона Элиота. Элиот был талантливым проповедником, оратором, богословом и, что важно, первым англичанином, начавшим читать проповеди на алгонкинском, а позже переведшим на этот язык Библию⁴⁸.

Но при всех талантах Элиота он практически не получал сколь-либо ощутимой поддержки от властей колоний — на словах они, конечно, его поддерживали и одобряли, но этим дело и ограничивалось. Средства Элиоту предоставляли в основном меценаты в Англии. К обращенным индейцам большинство колонистов относилось с нескрываемым подозрением, если не откровенной враждебностью. В то же время проект Элиота отличался амбициозностью. Он собирался основать ряд «молитвенных поселений», в которых индейцы будут не только знакомиться с христианством, но и вести богоугодный образ жизни, соответствующий ветхозаветным предписаниям в интерпретации Элиота⁴⁹. Это требовало гораздо более всеобъемлющей трансформации, чем просто обращение в христианство, но полного отказа от традиционного образа жизни.

При этом Элиот не предполагал использовать силу, ключевой идеей для него и многих других пуританских проповедников был индивидуальный духовный опыт как основа истинного обращения в христианство, что не предполагало принуждения.

Несмотря на все это, проект Элиота оказался поразительно успешен — накануне войны короля Филиппа значительная часть индейцев на территории колоний (т.е. на территории непосредственно принадлежавшим колониям) были «молящимися» и жили в молитвенных поселениях⁵⁰. При всех талантах Элиота вряд ли такой успех можно объяснить только его ораторскими навыками, учитывая, насколько значительные жертвы требовались от обращенных. Например, в традиционном хозяйстве земледелие, за исключением расчистки

⁴⁷ Johnson E. "Some by flatteries and others by threatenings".

⁴⁸ Cogley R. John Eliot's Mission to the Indians before King Philip's War. Cambridge, 1999.

⁴⁹ Eliot J. A further Accompt of the Progresse of the Gospel amongst the Indians in New-England. London, 1659.

⁵⁰ Gookin D. Op. cit. P. 180—200.

новых участков, считалось исключительно женским занятием, но в молитвенных поселениях мужчины должны были работать в поле, а женщины — дома. Несомненно, требование заниматься «женской» работой раздражало многих индейцев, не говоря уж об отказе от традиционных украшений и причесок, важных символов статуса.

Наиболее разумным объяснением представляется заинтересованность самих индейцев. Массы обращенных, стекавшихся в молитвенные поселения, руководствовались отнюдь не христианской набожностью. Среди жителей молитвенных поселений было мало представителей тех групп, которые сохраняли политическую и культурную автономию, мохеган и вампаноаг. Резонно предположить, что основные причины переезда в молитвенные поселения были социальными, а не религиозными. Миссионеры обещали, что новообращенные присоединятся к вселенскому братству христиан. Это представляло собой наиболее радикальную стратегию выживания — полная интеграция в колониальное общество, но общий принцип «сделки» сохранялся и здесь. Жертвуя политической и культурной независимостью, обращенные рассчитывали сохранить экономическую свободу, личную свободу и самостоятельную идентичность. Последнее стало возможно благодаря Элиоту, который, в отличие от многих миссионеров в других регионах, прилагал усилия к сохранению индейского языка. Управление в молитвенных поселениях велось по-алгонкински, администраторы, учителя и даже пасторы назначались из числа индейцев при первой возможности. Элиот предполагал трансформацию традиционного образа жизни, но считал, что индейцы должны оставаться индейцами, сохранить самостоятельную идентичность и не подвергаться ассимиляции⁵¹. Учитывая альтернативы, такие как долговое рабство, принудительный труд или переселение, многие, видимо, сочли «сделку» приемлемой. Важно, что решение это принимали сами индейцы, Элиот и его последователи были озабочены совершенно другими проблемами.

Конечным итогом этой стратегии предельной адаптации стала катастрофа. Во время войны короля Филиппа молящиеся индейцы были переселены на крошечный островок в гавани Бостона, где многие погибли от голода и холода⁵². Вампаноаг, воевавшие против англичан, также без симпатии относились к тем, кто готов был отказаться от традиционного образа жизни. Надежда на интеграцию в колониальное общество не оправдалась — ретроспективно довольно очевидно, что она и не могла оправдаться. Да, с формальной точки зрения предполагалось, что все христиане должны быть в некотором фундаментальном смысле равны. Но на практике складывавшиеся на протяжении к тому моменту более чем века представления о дикости и «неполноценности» индейцев и страх перед индейской агрессией, сопровождавший колонии на всем протяжении их истории, оказались важнее христианской братской любви. Иерархия, начавшая формироваться еще до основания колоний и укрепившаяся окончательно после Пекотской войны, не допускавшая равенства «дикарей» ни в каком отношении, к этому моменту укрепилась настолько, что даже религия, обычно считающаяся основой новоанглийского мировоззрения и новоанглийской идеологии, не могла на нее ощутимо повлиять. В каком-то смысле основание молитвенных поселений даже способствовало ее дальнейшему укреплению — поселения располагались в непосредственной близости от колониальных городов, и, соответственно, с началом войны короля Филиппа вопрос «что делать с обращенными индейцами» приобрел чрезвычайную актуальность.

Несмотря на трагический финал, стратегия была скорее успешной. Обращенные действительно сохранили идентичность, зачастую существующую по сей день, и пользовались ограниченной административной автономией. В отличие от независимых сахемов, молящиеся индейцы не имели рычагов влияния на колонии и не смогли адаптироваться

⁵¹ Aleksandrov G. The Politics of Intercultural Education: Native-colonial Relations in the XVII century New England Language Manuals // Proceedings of the Russian-American Research Nexus Forum. Vol. 1. Moscow, 2022. P. 29–56.

⁵² Gookin D. Op. cit. P. 459, 485–486.

к неожиданному изменению обстоятельств во время войны. Цена сделки оказалась в этом случае слишком высока.

* * *

Хотя английские колонии доминировали в политической и экономической жизни Новой Англии на протяжении большей части XVII в., коренное население не было пассивной жертвой обстоятельств. В большинстве своем предводители индейцев прекрасно осознавали потенциал союза с колониями, хотя некоторые, например наррагансетты, не спешили им воспользоваться. Но не все такие союзы были одинаково успешны. Особенно успешными оказались такие лидеры, как Ункас и Робин Кассакинамон, которые не имели доступа к традиционным источникам формирования авторитета и власти. Не способные заключать традиционные союзы, они вынуждены были искать поддержки у колоний и использовать незнакомые традиционной культуре политические стратегии. Особенно эффективным было практика информирования и дезинформации. Колонисты мало знали о своих новых соседях и отчаянно нуждались в надежных источниках информации и возможностях установления контактов с потенциальными союзниками. Предоставляя информацию и посредничество, союзники-индейцы становились незаменимы для колонистов и могли успешно ими манипулировать, используя их против своих соперников. В результате те, кто поначалу оказался в слабом и уязвимом положении, смогли стать наиболее значимыми сахемами в регионе.

Эти союзы подразумевали своего рода обмен – отчасти отказываясь от суверенитета в каких-то областях, индейцы сохраняли и укрепляли его в других. Мохегане, формально подчиненные англичанам, смогли сохранить свои территории, образ жизни и религию. Союзы инициировали сами индейцы, их влияние формировало политическую историю региона. Пекотская война было во многом результатом махинаций Ункаса, втянувшего англичан в конфликт пекотов и наррагансеттов. Политический ландшафт Новой Англии, система союзов и взаимных обязательств и сложная сеть политических аффилиаций во многом формировалась индейскими сахемами, а не колониальными властями.

Политика индейцев имела, однако, и важное следствие, которого сами ее авторы не предполагали и предполагать не могли. Тесное взаимодействие с колониями требовало от колонистов и более четкой артикуляции их отношения к индейцам, в первую очередь к тем, кто жил в непосредственной близости от колоний или среди колонистов, будь то слуги, захваченные в результате Пекотской войны, или обращенные в христианство жители молитвенных поселений. Такое близкое соседство привело к артикуляции и без того подразумеваемой социальной иерархии, в которой индейцы всегда и неизбежно занимали более низкое положение, чем колонисты. Определенного успеха добивались те, кто действовал, как Робин Кассакинамон, в рамках этой иерархии, попытки же ее нарушить – как, например, претензии обращенных на равенство с братьями-христианами – приводили лишь к ее укреплению, что демонстрирует судьба молитвенных поселений во время войны короля Филиппа.

Библиография / References

- Aleksandrov G.* The Politics of Intercultural Education: Native-colonial Relations in the XVII century New England Language Manuals // Proceedings of the Russian-American Research Nexus Forum. Vol. 1. Moscow, 2022. P. 29–56.
- Axtell J.* The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. Oxford, 1986.
- Bradford W.* Of Plymouth Plantation (1620–1647). New York, 1981.
- Calloway C.G.* New Worlds for All: Indians, Europeans, and the Re-making of Early America. Baltimore, 2013.
- Calloway C.G.* Pen and Ink Witchcraft: Treaties and Treaty Making in American Indian History. Oxford, 2013.
- Cave A.* The Pequot War. Cambridge, 1996.
- Cogley R.* John Eliot's Mission to the Indians before King Philip's War. Cambridge, 1999.
- Cook S.F.* 1973. The Significance of Disease in the Extinction of the New England Indians // Human Biology. 1973. Vol. 3. P. 489–490.
- De Forest J.* History of the Indians of Connecticut from the Earliest Known Period to 1850. Hartford, 1851.

- Fisher J., Silverman D.* Ninigret, Sachem of the Niantics and Narragansetts: Diplomacy, War, and the Balance of Power in Seventeenth-Century New England and Indian Country. Ithaca, 2014.
- Gardener L.* Left Lion Gardener his Relation of the Pequot Warres // MHS Collection, 3rd series. Vol. 3. Boston, 1833. P. 131–161.
- Gookin D.* Historical Collections of the Indians in New England. New York, 1970.
- Hoornbeek B.* An Investigation into the Cause or Causes of the Epidemic Which Decimated the Indian Population of New England, 1616–1619 // New Hampshire Archeologist. 1976. Vol. 19. P. 38.
- Jennings F.* Empire of Fortune. New York, 1990.
- Jennings F.* The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies. New York, 1984.
- Jennings F.* The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest. Chapel Hill, 1975.
- Johnson E.* “Some by flatteries and others by threatenings”: Political strategies among Native Americans of seventeenth-century southern New England. 1993 // URL: <https://www.proquest.com/openview/be12c51664bf7fa9d12c92cc089c8e56/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (access date: 04.09.2024).
- Johnson E.* Wonder-working Providence of Sion’s Saviour in New England (1654). New York, 1910.
- Knapp A.P.* Connecticut’s Yesteryear: So Saith the Wind. Old Saybrook (CT), 1985.
- Mason J.* A Brief History of the Pequot War. Boston, 1736.
- McBride K.* The Legacy of Robin Cassacinamon: Mashantucket Pequot Leadership in the Historic Period. Northeastern Indian Lives, 1632–1816. Amherst, 1996.
- Oberg M.L.* Uncas, First of the Mohegans. Ithaca, 2003.
- Pulsipher J.* “Subjects... Unto the Same King”: New England Indians and the Use of Royal Political Power // Massachusetts Historical Review. 2003. Vol. 5. P. 29–57.
- Records of the United Colonies of New England. Boston, 1853.
- Salisbury N.* Manitou and Providence: Indians, Europeans and the Making of New England, 1500–1643. New York, 1984.
- Saltonstall N.* A New and Further Narrative of the State of New England being a Continued Account of the Bloody Indian War // King Philip’s War Narratives. New York, 1966.
- Stone W.L.* Uncas and Miantonomoh: A Historical Discourse. New York, 1842.
- Sylvester H.* Indian Wars of New England. Vol. 1. Boston, 1910.
- Weeks A.G.* Massasoit of the Wampanoags: With a Brief Commentary on Indian Character, and Sketches of Other Great Chiefs, Tribes, and Nations. Norwood (Mass.), 1919.
- Williams R.* A Key into the Language of America (1643). Detroit, 1973.
- Williams R.* The Correspondence of Roger Williams, 1629–1653. Vol. I. Hanover; London, 1988.
- Winthrop J.* The Winthrop Papers. Vol. 5. New York, 1968.
- Winthrop J.* Winthrop’s Journal. New York, 1908.
- Woodward W.* Prospero’s America: John Winthrop, Jr., Alchemy, and the Creation of New England Culture, 1606–1676. Chapel Hill, 2010.